

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР. ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XI

СТРАНЫ И НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

С. Л. Тихвинский

**ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» — СРЕДСТВО
ПОДАВЛЕНИЯ НАРОДНОГО НЕДОВОЛЬСТВА
В ЦИНСКОМ КИТАЕ**

При изучении истории Китая 60—90-х годов XIX в. современные китайские и западные историки [33; 18; 15; 20; 11; 16] на первый план обычно выдвигают проблемы, связанные с предпринимательской деятельностью в этот период (создание арсеналов и судоверфей, открытие фабрик и заводов, шахт, рудников, пароходных компаний, строительство железных дорог и телеграфных линий и т. д.) или вопросы внешней политики; проблемам же внутривластного уделения значительно меньше внимания. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу кратко рассмотреть один из аспектов внутривластного курса цинского правительства в тот период, когда у власти стояли сторонники так называемой политики «самоусиления».

Проблемы, с которыми столкнулись правящие круги империи после смерти императора И Чжу (Сяньфэн), дворцового переворота в ноябре 1861 г. и прихода к власти группировки вдовствующей императрицы Цыси и великого князя Гуна, — подавление восстаний тайпинов, няньцзюней, неханьских народов, сношения с капиталистическими державами, стремившимися к полному колониальному порабощению Китая, — все это требовало максимального напряжения сил маньчжуро-китайских феодалов, мобилизации ресурсов империи. Добившись мирного урегулирования с Англией и Францией по Пекинским конвенциям 1860 г. и став на путь постоянных уступок иностранным капиталистам, цинское правительство обеспечило себе активную поддержку держав в борьбе с внутренней опасностью.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что маньчжуро-китайские феодалы всегда рассматривали угрозу внутренних восстаний, антицинских выступлений, руководимых многочисленными тайными обществами, в качестве главной потенциальной опасности для цинского режима. В меморандуме императору Сяньфэну, в котором содержалось предложение об учреждении «Канцелярии по управлению делами различных стран» («Цзунли гэ го шиу ямыня» или, сокращенно, «Цзунлиямыня»), великий князь Гун сообщал, что «восстание няней полыхает на Севере и длинноволосых (тайпинов. — С. Т.) на Юге», и утверждал, что «длинноволосые и няни одерживают победы, создавая угрозу для нашего сердца и внутренностей... в силу чего в первую очередь следует подавить восстание длинноволосых и няней» [37, цз. 71, 176; 38, 5, 6].

Хотя в тексте меморандума еще не встречается столь популярное впоследствии слово *цзы цян* — «самоусиление», аналогичная идея была

выражена в нем словами *цзы ту чжэнь син* — «самим планировать свое возрождение» [38, 5].

В меморандуме по вопросу о подготовке войск, который был направлен маньчжурскому императору великим князем Гуном, членом императорского секретариата Гуй Ляном и начальником Налогового приказа Вэнь Сяном и утвержден императорским указом от 14 числа 12 месяца 10 года правления Сяньфэн (25 января 1861 г.), указывалось, что «фундаментальной политикой должно быть самоусиление; искусство же самоусиления в первую очередь зависит от обучения войск» [37, цз. 72, 11; 38, т. 3, 441]¹. Авторы меморандума призывали в целях «планирования своего возрождения» и быстрейшего подавления восстаний «длинноволосых» и няней срочно обучить армию современным приемам боя с применением иностранного оружия. «Если внутренние бедствия будут искоренены, то внешние враги сами погибнут», — утверждали авторы меморандума. Ту же мысль о необходимости первоочередного укрепления военного могущества цинской империи в качестве фундамента политики «самоусиления» находим в меморандуме великого князя Гуна и других членов цзунлиямыня (утвержден 28 числа 4 месяца 3 года правления Тунчжи — 4 июня 1864 г.): «Справедливый путь управления страной заключается в самоусилении: при всестороннем исследовании политики самоусиления становится очевидным, что главным в ней является подготовка войск, а подготовку войск в свою очередь необходимо начинать с производства оружия» [37, цз. 25, 1—3; 38, т. 3, 466]. Аналогичная трактовка политики самоусиления как основного средства «увеличения могущества государства» в целях ликвидации внутреннего мятежа встречается и в других документах того периода [см. меморандум от 12 декабря 1864 г., 37, цз. 30, 1—7; 38, т. 3, 470—471].

В 1875 г. цзунлиямынем были сформулированы следующие шесть компонентов политики самоусиления: 1) подготовка солдат, 2) строительство судов, 3) производство машин (имелось в виду оборудование arsenalов), 4) изыскание средств на содержание войск, 5) привлечение способных людей, 6) решимость к длительному проведению всех этих мероприятий [38, т. 1, 26—29]. Когда эти шесть пунктов, сформулированные цзунлиямынем, были доведены до сведения провинциальных сановников, большинство из них откликнулось меморандумами, содержащими одобрение указанной политики, а губернатор Шаньдуна Вэнь Линь свой меморандум [37, цз. 96, 31а; 38, т. 1, 38] закончил фразой «если не возникнет внутренних бедствий, можно дать отпор внешним врагам», переключившейся с меморандумом великого князя Гуна, Гуй Ляна и Вэнь Сяна.

Отвечая на разосланный в начале октября 1867 г. циркуляр цзунлиямыня о пересмотре договоров с державами и о введении ряда новшеств вроде железных дорог, телеграфных линий и т. д., Ли Хун-чжан наряду с одобрением нововведений в своем ответе рекомендовал цзунлиямыню основное внимание уделить подавлению любых гражданских волнений в империи [28, 373]. Даже в меморандуме императору о создании механического завода по западному образцу Ли Хун-чжан предостерегал двор относительно опасности использования антиправительственными элементами достижений западной науки и технологии для борьбы против цинского правительства [11, 305].

¹ Термин «самоусиление» — *цзя цян* упоминается впервые в конфуцианских классиках, где встречается фраза *цзюньцзы цзя цян бу си*, т. е. «совершенный человек непрестанно занимается самоусилением».

Таким образом, мы видим, что на всех мероприятиях, проводившихся в рамках политики «самоусиления», лежала печать тревоги маньчжуро-китайских феодалов за внутривластическое положение страны. Основной целью политики «самоусиления» было военное подавление народных выступлений, и с этой точки зрения цинским правительством расценивалась эффективность любых нововведений и предлагавшихся заимствований из-за границы.

* * *

Сторонники политики «самоусиления», являясь оплотом цинской монархии, осуществляли основные военные мероприятия по подавлению крестьянской войны тайпинов и других восстаний крестьянских масс и неханьских народов империи. После падения Нанкина и гибели государства тайпинов на протяжении 1864—1866 гг. правительственные войска вели борьбу с остатками тайпинской армии в провинциях Цзянси, Аньхуй, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун. Для уничтожения тайпинских войск в пров. Фуцзянь цинское правительство перебросило части Цзо Цзун-тана, Ли Хун-чжана и Цзэн Го-фаня (части Бао Чао), взаимодействовавшие с судами английского и французского военно-морского флота [11, 243].

Подавление восстания няньцзюней с 1865 г. было возложено на Цзэн Го-фаня, который перебросил на этот театр военных действий части сянской и хуайской армий. После поражения новой хунаньской армии, находившейся под командованием его брата, Цзэн Го-фань был заменен на посту главнокомандующего операциями против няньцзюней Ли Хун-чжаном. Ценой огромных усилий хуайским войскам, снабженным иностранным оружием, удалось подавить это антиманьчжурское и антифеодальное движение, продолжавшееся 16 лет и охватившее восемь провинций: Шаньдун, Хэнань, Аньхуй, Цзянсу, Хубэй, Шэньси, Шаньси и Чжили.

Особой жестокостью отличался идеолог политики самоусиления Цзэн Го-фань, считавший, что, «чем больше будет убито бунтовщиков, тем лучше». В письмах к родным он признавал, что по его приказам все взятые в плен или добровольно сдавшиеся тайпины были казнены. Так, в письме от 19 июля 1861 г. он сообщал, что после взятия Аньцина были казнены 20 тыс. пленных; такое же количество пленных было казнено путем обезглавливания в окрестностях Нанкина. Не отставали от Цзэн Го-фаня и его подчиненные; вскоре после падения Нанкина генерал Бао Чао казнил в Фуцжоу 40 тыс. сдавшихся в плен тайпинов [19, 358].

Столь же активную роль, как в подавлении крестьянских восстаний, представители группировки «самоусиления» сыграли в деле жестокой расправы с антиправительственными восстаниями неханьских народов, насильственно включенных в состав цинской империи,— мяо, яо, дунган и др.

Для осуществления своего контроля над населением проводники политики «самоусиления» активно прибегали к военно-политическим методам. Так, сразу после подавления тайпинского восстания они стали восстанавливать архаическую систему *баоцзя* (система круговой поруки) — полицейский контроль над жителями умиротворенных районов. Дин Жи-чан, один из ближайших помощников Ли Хун-чжана, будучи губернатором провинции Цзянсу в 60-х годах, отдал серию распоряжений уездным властям о восстановлении системы *баоцзя* на территории этих уездов. Аналогичные мероприятия проводились и Бянь

Бао-ди, губернатором Хунани в период 1881—1886 гг., опиравшимся при этом на шэньши городов Чанша и Шаньхуа [21, 59].

Представители группировки «самоусиления» использовали для подавления деятельности тайных обществ и укрепления идеологического воздействия на население и такие традиционные формы «управления умами», как *сян юэ* — сельские или общинные собеседования, проводившиеся во всех населенных местностях империи дважды в месяц под контролем местных шэньши. Дин Жи-чан в бытность свою губернатором Цзянсу в 1868 г. послал директиву во все уезды провинции, в которой потребовал представлять ему систематические отчеты о проведении такого рода «собеседований». Он же приказал чиновникам местных органов просвещения проводить собеседования не 2 раза в месяц, как во всей стране, а через каждые 5 дней [21, 193].

Правящая группировка маньчжуро-китайских феодалов, проводившая политику «самоусиления», не только беспощадно подавляла выступления китайского крестьянства и неханьских народов против цинской монархии и феодально-помещичьего и чиновничьего гнета, но и сурово расправлялась с антииностранными, главным образом антимиссионерскими, выступлениями широких масс городского и сельского населения различных районов Китая.

Проводники политики «самоусиления» считали капиталистические державы и их представителей в Китае своими союзниками по борьбе с народными массами. Этот союз, сложившийся еще в период совместного подавления тайпинского восстания маньчжуро-китайскими войсками и англо-французскими эскадрами Протэ и Хоупа, при деятельном участии американских и европейских наемников из отрядов «вечно побеждающей армии» Уорда — Баржевайна — Гордона, продолжался все годы пребывания у власти сторонников политики «самоусиления».

Внешняя политика цинского правительства в период проведения им политики «самоусиления» характеризовалась цепью сплошных уступок домогательствам держав. Цинские сановники не только не обращались к народу за поддержкой в многочисленных случаях нарушения державами суверенитета Китая, но, наоборот, объединялись с агрессорами в борьбе против патриотических выступлений китайского народа.

Так, в период антимиссионерских выступлений, развернувшихся в восточных, центральных и северных провинциях империи с конца 60-х годов XIX в., пекинское правительство под давлением иностранных посланников всегда исполняло требования иностранцев о вмешательстве и шло на уступки миссионерам (оправдание действий местных христиан, отставка неугодных чиновников, уплата компенсаций и т. д.) [36, 18]. В антимиссионерских выступлениях активно участвовали мелкие и средние представители феодального класса — чиновники и шэньши, возмущенные капитуляцией цинского правительства перед чужеземными колонизаторами; многие из них также видели в распространении христианства угрозу своему господству над народными массами. Нередко шэньши были прямыми зачинателями антимиссионерских выступлений: многие волнения совпадали с проведением провинциальных экзаменов на получение ученых степеней [6; 7; 32; 27; 3; 5; 2]. В основе антимиссионерских выступлений народных масс лежали отнюдь не религиозные причины: они выражали стихийный протест китайского народа против агрессии капиталистических держав; участие представителей сословия шэньши — своеобразной феодальной интеллигенции в этих выступлениях объяснялось их патриотическими чувствами. Нельзя сказать, что проводники политики «самоусиления» не замечали бес-

чинств, творившихся иностранными подданными в Китае (мы располагаем большим количеством свидетельств обратного порядка²). Но из-за опасения новых нападений со стороны держав, последовательно уступая иностранному нажиму, с одной стороны, и испытывая панический страх перед возможностью возникновения новых народных выступлений против цинского правительства — с другой, столичные и провинциальные сановники систематически обрушивали репрессии на участников антииностранных выступлений. Правда, в силу своей классовой природы они проводили четкую грань между сословиями, ограничиваясь по отношению к шэньши и чиновникам, повинным в антииностранных выступлениях, сравнительно легкими наказаниями; основная тяжесть репрессий была обращена против крестьян и представителей городских низов. В то же время по мере проникновения в Китай иностранных держав в среде маньчжурской аристократии и высших сановников империи росло убеждение в том, что антимиссионерские выступления масс представляют собой удобную отдушину для выхода народного недовольства и отвращения гнева от цинской династии. Такого рода взгляды получили наиболее широкое распространение к концу XIX в. во время мощного выступления тайного общества ихэтуаней в Северном Китае, деятельность которого на определенном этапе получила одобрение придворных кругов Пекина.

Первые массовые выступления китайского населения против иностранных миссионеров произошли в 1862 г. в провинциях Цзянси и Хунань; эти выступления серьезно встревожили правящую верхушку. Во время антимиссионерских волнений в г. Наньчане губернатор пров. Цзянсу — Чэнь Бао-чжэн доносил в Пекин: «Я узнал о разговорах, ведущихся в городе. Повсюду говорят, что чиновники угрожают иностранцам и подавляют простой народ. Народ возмущен, и я боюсь, что он снова начнет бунтовать» [13, 105]. О повсеместной враждебности населения Китая и особенно чиновничества к иностранцам сообщал в 1864 г. в письме в Санкт-Петербург из Пекина царский дипломат Влангали:

«Открытие империи иностранцам, принятие некоторых из последних на службу совершенно перевертывает все старые понятия китайцев и так как они были приведены к тому насильственно, то общее недоброжелательство чиновного класса в особенности к иностранцам не может не существовать. Как консерваторы, так и предполагаемые люди прогресса одинаково готовы были бы выгнать европейцев и обратиться к

---

² Цинское правительство робко протестовало против агрессивной политики держав. По донесению царского посланника в Пекине Влангали в Санкт-Петербург в мае 1871 г. великий князь Гун просил итальянского короля Виктора-Иммануила, чтобы тот «употребил свое влияние на папу, чтобы изменить положение католических миссионеров в Китае и воспретить им действия, оскорбляющие законы и обычаи страны» (1, Главный архив, 1—9, оп. 8, д. 7, л. 335). В беседе с английским миссионером Т. Ричардом в 1880 г. Ли Хун-чжан сказал тому, что китайцы-христиане «собираются вокруг вас потому, что они и их друзья находятся на вашей службе и живут за счет этого. Отберите плату у этих местных агентов, и здесь не будет больше христиан» [23, 272]. В докладе Ли Хун-чжана цзунлиямыню от 1 июня 1886 г. отмечалось, что необоснованные домогательства миссионеров вызывают глубокое недовольство чиновников и простого народа [35, цз. 66, 23]. Китайский посланник в Англии Сюэ Фу-чэн в своей докладной записке от 25 декабря 1891 г., касаясь антимиссионерских выступлений в долине Янцзы, отмечал, что они были вызваны провокационными действиями китайских христиан [35, цз. 84, 38]. Великий князь Гун, прощаясь в 1869 г. с отъезжавшим на родину английским посланником Ольжоком, заметил: «Жаль, что вы не увозите с собой спинума и миссионеров». Подобного рода примеров можно было бы привести немало. Однако каждый раз, когда иностранные державы оказывали нажим на цинских сановников, угрожая военными действиями, они бесславно капитулировали.

«прежнему порядку. Мелкое чиновничество в особенности недоброжелательно смотрит на иностранцев...» [1, Главный архив, 1—9, оп. 8, д. 7, лл. 56—58].

В 1868 г. вспыхнул антимиссионерский бунт в Янчжоу; подстрекателями народа к антимиссионерским выступлениям выступили местные шэньши.

Российский поверенный в делах в Пекине Бюцов сообщал в октябре 1869 г., что в ходе антимиссионерских волнений, вспыхнувших осенью 1868 г. в Аньцине в период проводившихся там провинциальных государственных экзаменов, роль подстрекателей населения против англичан играли шэньши, отличавшиеся, по характеристике русского дипломата, слепой приверженностью к старине и категорически отрицавшие превосходство чего-либо иноземного над китайским. Китайские чиновники, писал Бюцов, не пропускают удобного случая нажиться на сборе контрибуции и средств на возмещение убытков, причиненных миссионерам, «не возбуждая против себя гнева народа, а отводя его на иностранцев» [Главный архив, 1—9, оп. 8, д. 11, л. 43].

В 1870 г. Китай, по словам английского историка Стэнли Райта, «был до краев полон антииностранными чувствами, о чем наглядно свидетельствовали покушение на французского поверенного в делах в Тайюани, сильные антимиссионерские выступления в самых различных и далеко отстоящих друг от друга районах — на Тайване, в Чифу, Янчжоу, Фучжоу, Учане, Тамсуге, Сватоу, Юяне в Сычуани и Цзуньи в Гуйчжоу...» [28, 395]. Наиболее крупным антимиссионерским выступлением явились события июня — июля 1870 г. в Тяньцзине, в которых участвовало несколько десятков тысяч человек. Императорский уполномоченный по торговле в северных портах Чун Хоу, имевший резиденцию в Тяньцзине, признавал в докладе императору, что солдаты тяньцзиньского гарнизона, хотя и не принимали участия в нападениях на иностранцев, тем не менее ненадежны, и просил императора о присылке в Тяньцзинь новых войск. Чун Хоу сомневался также и в местных чиновниках и шэньши, относя их к соучастникам антииностранных выступлений. Он откровенно радовался прибытию в Тяньцзинь иностранных военных кораблей, облегчавших ему задачу «справиться с чернью» [10, лл. 271—273]. Назначенный правительством для расследования причин волнений императорский наместник пров. Чжили — Цзэн Го-фань, один из главных идеологов и проводников политики «самоусиления», а затем сменивший его Ли Хун-чжан сурово расправились с участниками тяньцзиньских событий.

Уступая нажиму Франции, маньчжуро-китайские власти казнили 15 участников тяньцзиньских событий, а 21 подвергли различного рода наказаниям (характерно, что требование французов о казни начальников городского и уездного управлений и командующего войсками провинции цинскими властями удовлетворено не было — первые два были сосланы в пров. Хэйлунцзян, а последний только снят с поста) [19, 308—321]. Поведение Цзэн Го-фаня, испугавшегося угрозы Франции начать войну против Китая и позорно признавшего вину китайской стороны в возникновении тяньцзиньских событий, вызвало волну патриотического негодования по всей стране. В Тяньцзине распространялись памфлеты тайного общества «Воды и огня», осуждавшие капитулянтскую политику Чун Хоу и Цзэн Го-фаня [19, 312], а хунаньское землячество в Пекине официально исключило имя Цзэн Го-фаня из списка своих почетных земляков в знак протеста против его непатриотического поведения при расследовании тяньцзиньских событий [1, Главный архив, 1—9, оп. 9, д. 7, лл. 377—379]. Цинское правительство заплатило Франции крупную сумму

в возмещение убытков и направило в Париж Чун Хоу во главе специальной миссии, которая должна была принести извинения французскому правительству за убийство в ходе тяньцзиньских событий французского консула и нескольких миссионеров.

Антифеодальные, антиправительственные и антииностранные выступления, а также антимиссионерские волнения в различных провинциях Китая, организованные тайными обществами, не прекращались на всем протяжении 60—90-х годов, когда у власти в стране находились сторонники политики «самоусиления».

* * *

В третьей лекции Сунь Ят-сена о принципе «национализма», прочитанной в начале 1924 г. в Гуанчжоу, содержится интересное свидетельство о проведенной Цзо Цзун-таном операции по борьбе с тайными обществами «Гэлаохуй», которая на время подорвала влияние общества в армии. В 1868—1869 гг. при перебазировании армии Цзо Цзун-тана из бассейна Янцзы в Северо-Западный Китай и Синьцзян для подавления дунган, уйгуров, узбеков, казахов, киргизов и других неханьских народов, восставших против цинского режима, командованию стало известно, что состав армии, укомплектованной в основном из бывших хуайских и сяньских войск, участвовавших в операциях против тайпинов, почти полностью входит в тайные общества «Гэлаохуй» и слепо подчиняется распоряжениям их руководителей. Цзо Цзун-тану обманым путем удалось самому проникнуть в члены «Гэлаохуй» и даже стать главарем общества «далунтоу» — «Большой драконовой головой». Когда Цзо Цзун-тану стали известны секреты «Гэлаохуй», он разгромил все эшелоны руководства обществами в своей армии и ликвидировал все линии их внешних связей [34, т. 2, 618—619]. Еще раньше по рекомендации Цзо Цзун-тана цинское правительство 29 числа 9 месяца 6 года правления Тунчжи (1 ноября 1867 г.) приняло решение о запрещении обществ «Гэлаохуй». В своем меморандуме Цзо Цзун-тан указывал на активизацию деятельности этих обществ среди солдат в провинциях Лянцзян, Лянху, Гуйчжоу, Сычуань и бурное распространение их деятельности в провинциях Шэньси и Ганьсу в связи с переводом туда войск. Правительство приказывало строжайшим образом наказывать главарей и рядовых участников обществ, особенно среди офицеров и солдат правительственных войск и среди гражданских чиновников всех степеней. В указе правительства обращалось внимание на необходимость беспощадной борьбы с примкнувшими к «Гэлаохуй» бродячими отрядами бывших помещичьих ополчений, распущенных в связи с окончанием кампании против тайпинов. Властям вменялась в обязанность широкая циркуляция данного указа среди армии и гражданского населения [30, цз. 211, 3-б—5-а].

Как отмечал в той же лекции Сунь Ят-сен, среди солдат правительственных и местных помещичьих войск, подавлявших крестьянские восстания середины XIX в., кроме «Гэлаохуй» большим влиянием пользовались и другие тайные общества, многие из которых сохранились и до периода республики (например, «Цинбан» и «Хунбан»).

Дипломатические представители капиталистических держав пристально следили за деятельностью тайных обществ, постоянно требуя от маньчжуро-китайских правителей проведения активных карательных мероприятий против антииностранных выступлений китайского народа.

Далеко не случайно в различных провинциях Китая участились в эти годы антииностранные, преимущественно антимиссионерские, выступления. К началу 90-х годов в Китае вели активную деятельность 628 европейских и 335 китайских священников католической церкви; под их непосредственным контролем находилось 541 720 китайцев-христиан, 24 900 проповедников-китайцев, 2942 церкви и часовни, 1850 миссионерских школ с 31 625 учащимися и 36 духовных семинарий с 744 учащимися [9, 51]³. По договорам, навязанным Китаю державами, иностранные миссионеры имели право свободного передвижения по стране для проповеди христианской религии; им разрешалось покупать и арендовать земли в любой части страны, возводить на этих землях здания; на миссионеров не распространялись китайские законы.

Деятельность миссионеров протекала на общем фоне активизации колониальной политики держав в Китае в последней четверти XIX в.; к 1890 г. цинское правительство оказалось вынужденным открыть для иностранной торговли уже в общей сложности 32 портовых города империи [4, 47—50, табл. 32].

Антииностранные (главным образом антимиссионерские) выступления в различных провинциях Китая, разрозненные и стихийные, отражали глубокое возмущение различных классов и слоев китайского общества усилением агрессивной политики держав в Китае в тот период, когда в ведущих капиталистических странах происходил переход капитализма в империалистическую стадию. Каждый новый акт иностранной агрессии вызывал решительное патриотическое сопротивление народных масс; антимиссионерские выступления особенно усилились в связи с войной с Францией во Вьетнаме 1884—1885 гг.; 4 октября 1884 г. в Вэньчжоу (пров. Фуцзянь) население разгромило помещения различных иностранных религиозных миссий, дома, в которых проживали иностранцы [25, 96—102]. В 1884—1885 гг. отмечалась волна антииностранных выступлений в Гуандуне, Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу, Шэньси и Шаньси. В июле 1886 г. происходили антимиссионерские бунты в Чунцине и других уездах пров. Сычуань. 15 июля 1886 г. Ли Хунчжан сообщал в цзунлиямынь о массовых выступлениях населения Чунцина против миссионеров и китайцев-христиан [35, цз. 67, 24]. В 1887 г. в уезде Фуансянь (пров. Фуцзянь) население сожгло 4 католические церкви [1, ф. Китайский стол, д. 421, л. 42].

5 февраля 1889 г. в Чжэньцзяне (пров. Цзянсу) население, возмущенное самоуправством иностранцев, разгромило ряд зданий, принадлежавших иностранцам [1, ф. Китайский стол, д. 415, лл. 98—99]. В начале июня 1889 г. имели место антибританские выступления в Ханькоу [1, Главный архив, У—Аз, д. 5].

После того как в 1890 г. под нажимом Англии, Франции и США цинские правители объявили о предстоящем в марте 1891 г. открытии для иностранной торговли г. Чунцина, весной 1891 г. в различных провинциях, расположенных в бассейне р. Янцзы, поднялась новая волна антииностранных выступлений, инициаторами которых стали местные отделения тайного общества «Гэлаохуй», у руководства которым находились шэньшйские элементы. Антииностранные волнения, начавшиеся 20 апреля 1891 г. в г. Янчжоу, были подавлены вооруженной силой [1, ф. Китайский стол, д. 763, лл. 8—9]. Получив известия о волнении в г. Уху в 1891 г., цзунлиямынь срочно предислал наместнику в Нанкине направить в Уху военные суда «для подавления волнений

³ Протестантские миссии в Китае в 1890 г. располагали штатом около 6000 человек [17, 83].

и поддержания порядка». Наместнику было приказано также срочно направить в Уху чиновника для расследования причин беспорядков и наказания виновных. В своей телеграмме цзунлиямынь обращал внимание на необходимость принятия решительных мер против распространения антимиссионерских листовок [35, цз. 84, 23]. Присланные по настоянию английского консула в Уху из Нанкина три китайские канонерки содействовали подавлению антииностранный бунта [1, ф. Китайский стол, д. 763, лл. 9—10; д. 109, лл. 111—114]. В мае 1891 г. также произошли выступления в Аньцине (пров. Аньхуй), Нанкине и Ханьяне, а также в Усюэ (на Императорском канале) и Уси. В Тяньцзине, Шанхае, Уху, Ханькоу и Учане широко распространялись прокламации против иностранцев [2; 5, 76].

Под давлением дипломатического корпуса 26 мая 1891 г. цзунлиямынь издал «оповещение», предписывавшее наказать участников волнений, угрожавшее сурово карать за любое «буйство», направленное против личности и имущества иностранцев, и предупреждавшее местные власти, что последние будут строго наказаны «за непринятие мер к предупреждению волнений и бездействие» [1, ф. Китайский стол, д. 109, лл. 114—115]. 13 июня 1891 г. цинское правительство опубликовало императорский указ, в котором местным властям строго приказывалось «защищать жизнь и имущество иностранных купцов и миссионеров и не допускать, чтобы бесчестные люди причиняли им неприятности...» [5, 77—78]. Однако репрессии не предотвратили дальнейшего распространения волнений в бассейне Янцзы. Местные власти в Ханчжоу были вынуждены запросить дополнительные войска; в Ханькоу и Цзюцзяне выступления были предотвращены совместными угрожающими демонстрациями иностранных и китайских военных судов. Деятели цзунлиямыня — этой твердыни сторонников «самоусиления» — были серьезно обеспокоены повсеместным ростом антимиссионерского движения, кое-где перераставшего в антиправительственные выступления. Касаясь причин антимиссионерских выступлений, сановники цзунлиямыня в первую очередь отмечали активизацию тайных обществ. В докладе указывалось, что во всех провинциях по берегам Янцзы «бродят» многочисленные представители «разбойных союзов», повсюду расклеивая свои афиши, возбуждающие народные чувства и вызывающие смуты. Отмечалась и вина самих миссионеров, оказывавших покровительство преступным элементам, однако главной причиной цзунлиямынь считал «фабрикацию» и распространение «необоснованных и злостных слухов» против миссионеров; в этой связи считалось необходимым издать императорский указ, обязывающий провинциальные власти запретить народу слушать эти «злостные слухи» и «создавать конфликты», а также подвергать строжайшему наказанию авторов анонимных прокламаций.

В заключение доклада указывалось, что в связи с повсеместными инцидентами уже казнены «два предводителя преступников» [1, ф. Китайский стол, д. 763, л. 24; д. 109, лл. 146—147].

Однако беспорядки не прекращались. Дипломатический корпус в Пекине трижды делал новые представления правительству (6 и 12 августа и 9 сентября 1891 г.). Многие иностранные наблюдатели были склонны считать, что выступления в своей основе были не столько антииностранными, сколько антидинастийными и руководились тайным обществом «Гэлаохуй», стремившимся спровоцировать конфликт цинского правительства с державами [28, 623].

Английский резидент в Шанхае Драммонд обращал внимание на несомненную связь антимиссионерских и антииностранных выступле-

ний 1891—1892 гг. с активизацией антиманьчжурских тайных обществ. Он отмечал, что народное недовольство, возбуждаемое тайными обществами, охватило значительную часть Северного и Центрального Китая; наиболее беспокойными, писал он, являются провинции по р. Янцзы. Центр деятельности тайных обществ находится в Нанкине. Своей задачей тайные общества, по мнению Драммонда, ставили усиление разногласий между цинским правительством и иностранцами и намеревались, пользуясь военным конфликтом с державами, поднять восстание против цинской династии⁴.

Наибольшую активность в антимиссионерских выступлениях начала 90-х годов XIX в. в Центральном и Восточном Китае — провинциях Аньхуй, Цзянсу, Цзянси, Хубэй, Сычуань и Фуцзянь — также проявляло тайное общество «Гэлаохуй». Об этом, в частности, сообщал поверенный в делах России в Пекине Клейменов, считавший антидинастийные тайные «общества братьев-стариков», как он переводил название «Гэлаохуй», «главным двигателем настоящих народных волнений». Они, писал он, распространяют в городах «прокламации, приглашающие народ к открытому восстанию». Члены «Гэлаохуй» развили большую активность в пров. Фуцзянь, где членские билеты общества, напечатанные на кусках холста, пользовались большим спросом у населения. Как писал русский консул в г. Фучжоу Д. Д. Покотиллов, «билеты эти выдаются лишь за известную плату, и то обстоятельство, что расчётливые и бережливые китайцы приобретают такие свидетельства, не останавливаясь перед расходами, служит явным доказательством популярности целей общества» [1, ф. Китайский стол, д. 763, л. 18]. Китайский посланник в Лондоне Сюэ Фу-чэн также указывал на связь народных выступлений в долине Янцзы с деятельностью тайных обществ, стремившихся возбудить «беспорядки» против цинского правительства [22, 16].

На севере Китая в это время, по сообщениям дипломатических представителей, активизировали свою деятельность тайные общества «Цзиньданьдао» и «Цзайли». Как отмечает советский историк Н. М. Калюжная, борьба народных масс в Северном Китае, где в ноябре 1891 г. разразилось крупное восстание в пров. Жэхэ, носила ясно выраженный антифеодальный и антидинастический характер в отличие от бассейна Янцзы, где волнения имели преимущественно антииностранную окраску [5, 78—79]. Лозунгами повстанцев в пров. Жэхэ были: «Да возвысится великая минская династия и да падет цинский дом» [8, 7]. Цинское правительство направило для подавления восстания в Жэхэ, во главе которого выступало тайное общество «Цзайли», крупные воинские силы; в боях было убито 15 тыс. повстанцев, около 20 тыс. членов общества «Цзайли» было казнено карателями. Под влиянием этого восстания произошли также антиправительственные выступления в ряде уездов провинций Чжили и Фынтянь, также жестоко подавленные властями.

Совместные попытки представителей иностранных держав и цинского правительства подавить народные выступления против миссионеров и иностранцев не имели успеха. Народное движение захватило все среднее течение Янцзы и перекинулось также на приморские провинции и север Китая. Волна выступлений была подавлена лишь к 1893 г.

⁴ [14, 81—82]. Этот сборник содержит материалы, знакомящие с антимиссионерскими выступлениями в провинциях Китая, расположенных в бассейне Янцзы. В сборник включены сообщения иностранных корреспондентов, заметки из газет и журналов, переводы документов и материалов об антимиссионерских выступлениях китайского народа.

Одним из последних народных выступлений 1890—1893 гг. был бунт против шведских миссионеров в Сунпу (пров. Хубэй); инцидент закончился подписанием соглашения между наместником Чжан Чжи-дунем и генеральным консулом Швеции в Шанхае, по которому китайские власти обязались казнить виновников-китайцев, выдать миссионерам вознаграждение и восстановить разрушенные здания миссии [2, 228].

После поражения цинской империи в войне с Японией в 1894—1895 гг., ознаменовавшего полный провал политики «самоусиления», высшие сановники империи, ответственные за эту политику, продолжали беспощадно подавлять любые антиправительственные и патриотические выступления народных масс, действуя в качестве верных приказчиков иностранных держав. После японо-китайской войны деятельность тайных обществ заметно активизировалась, принимая то антимиссионерскую, то антиправительственную окраску [24, 17]. В знак протеста против унижительных условий Симоносекского мирного договора 28 мая 1895 г. вспыхнуло восстание в Чэнду (пров. Сычуань), а в июле того же года — в Гутяне (пров. Фуцзянь). В обоих случаях выступления руководились тайными обществами и были направлены главным образом против деятельности иностранных миссионеров; дважды правящие круги цинской империи вынуждены были примириться с посылкой в районы восстаний иностранцами военных кораблей и специальных иностранных следственных комиссий. В Гутяне организатором восстания выступило тайное общество «Чжайцзяо» — «Соблюдающих пост», насчитывавшее на территории Фуцзяни около 12 тыс. членов. Русский консул в Фучжоу Попов отмечал, что члены тайного общества пользуются «общей любовью и уважением» [1, ф. Китайский стол, д. 180, л. 45]. Основная масса членов общества состояла из крестьян-бедняков; в восстании участвовали ремесленники, угольщики, лесорубы, носильщики, владельцы мелких лавок и предприятий, крестьяне-средняки, а также солдаты, эвакуированные с Тайваня (после перехода острова Японии) и оставшиеся без всяких средств к существованию. Руководитель «Соблюдающих пост» Ган Гуэ, известный под кличкой «Ногти длинных пальцев», принадлежал к сословию шэньши [12, 94—95]. Провинциальные власти заигрывали с восставшим народом, разжигая ненависть к иностранцам и стремясь тем самым отвести удар от самих себя; среди местных чиновников и шэньши также было широко распространено недовольство иностранной агрессией в Китае. Пекинское правительство, приняв участие в расследовании восстания, совместно с представителями Англии и США (деятельность комиссии протекала под охраной китайских войск и иностранных судов) подвергло казни 26 и сослало 17 наиболее активных повстанцев [1, ф. Китайский стол, д. 180, л. 76]. Несмотря на такую суровую расправу с народным движением, оно вскоре вспыхнуло с новой силой; в конце 1895 г. произошел ряд новых восстаний, как в провинции Фуцзянь, так и в соседней провинции Гуандун. Наиболее крупным из них было нападение на иностранные миссии в Сватоу в сентябре 1895 г. В октябре 1895 г. «Чайна мэйл» писала о повсеместном росте антииностранных настроений и о распространении в южных провинциях Китая антииностранных листовок и памфлетов [12, 98].

Пекинское правительство и в период развернувшегося в 1895—1898 гг. движения за реформы было бессильно справиться с нараставшей волной антииностранных выступлений; после дворцового переворота Цыси в сентябре 1898 г. в придворных кругах активизировались сторонники использования этих выступлений в целях укрепления цинского режима. В период восстания ихэтуаней в Северном Китае в

1899—1900 гг. цинское правительство на какое-то время официально поддержало антииностранные выступления народных масс, но вскоре, напуганное масштабами этих выступлений, пошло на позорную капитуляцию перед империалистическими державами.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВПР.
2. Гаранин И. П., Антимиссионерское движение в Китае в конце XIX в., — «Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР», М.—Л., 1966.
3. Гаранин И. П., Китайский антихристианский лубок XIX в., — «Ежегодник музея истории религии и атеизма, IV», М.—Л., 1960.
4. «История экономического развития Китая в 1840—1948 гг.», М., 1968.
5. Калужная Н. М., Антимиссионерские выступления в Китае (1886—1893), — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 66, 1963.
6. Монина А. А., Из истории тяньцзиньских событий 1870 г., — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 55, 1962.
7. Нарочницкий А. Л., Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895), М., 1956.
8. Позднеев А., О последнем китайском восстании в Юго-Восточной Монголии и о причинах противохристианских восстаний в Китае вообще, СПб., 1896.
9. Путята Д. В., Китай. Очерк географии, экономического состояния административного и военного значения пограничной с Россией полосы, СПб., 1895.
10. Рукописный отдел БЛ, ф. 273 (Скачков К. А.), д. 2878.
11. Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. 1, М., 1955.
12. Фурсенко А. А., Борьба за раздел Китая.
13. Ху Шэнь, Агрессия империалистических держав в Китае, М., 1951.
14. The Anti-Foreign Riots in China in 1891, Shanghai, 1892.
15. Beckman G. M., The Modernization of China and Japan, 1962.
16. Chen G., Tseng Kuo-fan, Peiping, 1935.
17. The Chinese Record and Missionary Journal, 1890, Februar.
18. Feuerwerker A., China's Early Industrialisation, Sheng Hsuan — huai and Mandarin Enterprise, Cambridge, 1958.
19. Hail W. J., Tseng Kuo-fan and the Taiping Rebellion, New Haven, 1927.
20. A History of East-Asian Civilization (by J. K. Fairbank, E. O. Reishauer, G. M. Craig), Boston, 1965.
21. Kung - Chuan Hsiao, Rural China. Imperial Control in the Nineteenth Century, Seattle, 1960.
22. Parliamentary Papers, China, London, 1891 (№ 3).
23. Price M. T., Christian Missions and Orient civilizations. A study in culture contacts, Shanghai, 1924.
24. Reid G., The sources of antiforeign disturbances in China, Shanghai, 1903.
25. Scott G., Twenty-six years of missionary work in China, London, 1897.
26. United States Foreign Relations, 1895.
27. Yazaawa Toshihiko, The Attitude of Chinese Officials toward the anti-foreign Riots in 1891 (Studies on Modern China, № 1), Tokyo, 1958.
28. Wright Stanley F., Hart and the Chinese Customs, Belfast, 1960.
29. Ван Тянь-цзян, Китайские тайные общества во второй половине XIX в., — «Лиши яньцзю», 1963, № 2.
30. Дацин личао шилу.
31. Дацин Муцзун и хуанди шилу.
32. Ли Ши-юэ, Движение против иностранной религии на протяжении 30 лет, предшествовавших китайско-японской войне, — «Лиши яньцзю», 1958, № 6.
33. Моу Ань-ши, Ян у юньдун, Шанхай, 1960.
34. Сунь Чжун-шань сюань цзи (Избранные произведения Сунь Ят-сена в 2-х томах), Пекин, 1956, т. 2.
35. Цин цзи вайцзяо шилу.
36. Цуй Цзи-энь, Борьба населения Аньхуэя против иностранных миссионеров в конце династии Цин, — «Аньхуэй шисюэ тунсюнь», 1957, № 3.
37. Чоу бань и у ши мо.
38. Ян у юнь дун, Шанхай, 1961.